

ROMAN KATSMAN

Bar-Ilan University

ORCID 0000-0003-0607-8047

Заветное желание

Е. Михайличенко и Ю. Несис,
Talithakumi, или Завет меж осколками бутылки, 2018
[<https://www.smashwords.com/books/view/890930>].

Новый (и долгожданный) роман Елизаветы Михайличенко и Юрия Несиса продолжает центральную линию их творчества: реалистическое, по-философски неторопливое и скептическое осмысление того метафизического пространства страсти, насилия и спасения, которое носит имя, почти становящееся в этой связи нарицательным — Иерусалим. Этот роман особым образом обнажает средневековый геном жанра: поведать «народным» (а в данном случае, еще и «профанным» русским) языком эпос о рыцарственном подвиге реализации героем его заветного желания — будь то завет с богом или сатаной, с любовью или совестью, с другом или самим собой. Такое саморазоблачение романного жанра представляется особенно рискованным сегодня, в дни великой сексуальной контрреволюции, которая в любом проявлении желания или реализации самости и идентичности видит насилие. Книга же Михайличенко и Несиса напоминает нам о том, что любой завет, начиная с Авраамового, есть прежде всего договор о взаимовыгодном вложении желаний и его краткосрочных и долгосрочных последствиях, в том числе семейно-династических и, главное, этических. Но, что еще важнее, она напоминает и о том, что любое желание есть завет, устанавливающий символическую связь между разделявшими частями целого, между прошлым и будущим, между идеей и материей, между призванием и жизнью. Желание связывает и обязывает, когда оно отражено, как в зеркале реально-

сти, в желании другого. Как пишет американский ученый Эрик Ганс, именно жест желания, будучи остановлен внезапным осознанием самого себя, служит первичным знаком человеческой культуры, языка и этики. Желание, скованное заветом как жестом нереализованного насилия, как обещанием будущего, то есть скованное цепью времени и повествования — оно-то и есть главный герой романа Михайличенко и Несиса.

Новый роман *Talithakumi*, или *Завет меж осколками бутылки* продолжает три предыдущих их романа (*Иерусалимский дворянин*, 1997, *И/e_рус.олим*, 2003, *ЗЫ*, 2006), и вместе они составляют своего рода иерусалимскую тетралогию — летопись непрерывного духовного спуска и подъема по лестнице Иакова (иногда, как в новом романе, почти буквально), установленной в беспокойной душе русского израильтянина — путешественника и бродяги, мечтателя и авантюриста, идеалиста и мистификатора. Именно эти черты позволяют ему обживать культурное пространство Израиля, чувствуя себя не мигрантом и даже не репатриантом, а героем приключенческого романа, похожего на те, что заполняли книжные полки его детства — от *Трёх мушкетеров* и *Одиссеи капитана Блада* до *Двенадцати стульев* и *Мастера и Маргариты*. Так вовлекается он в тот особый способ существования и **переживания, который во втором** романе тетралогии назван «историческим экстремом»: балансировка на тонкой грани между игрой и реальностью, иронией и пафосом, которая одинаково знакома «книжным детям, не знавшим битв», и мистикам. Он-то и есть подлинный алхимик наших дней, новый Калиостро, Гендальф и Коровьев в одном лице. Эта игра предельно исторична и предельно опасна тем, что обыгрываемые в ней желания и открываемые ею в старых мифах новые возможности воплощаются в жизнь. Герои тетралогии Михайличенко и Несиса, словно stalkеры, пробираются сквозь сетевые джунгли знаков и символов, коими заросла зона поражения иерусалимского синдрома.

Напряжение исторического экстрема достигает своего апогея, когда герои оказываются на грани, а некоторые и за гранью убийства или самоубийства — будь то нереализованные теракты в *Иерусалимском дворянине* и *ЗЫ*, или саморазрушительное заигрывание с никому неподвластными мифическими силами, когда подвиг героя подменяется малой жертвой субститута, как в *И/e_рус.олим* и *Talithakumi*. Это переходящее из романа в роман откладывание насилия, уход героя со сцены нарциссической виктимности служит психологическим и философским ответом авторов на главный, как мне пред-

ставляется, беспокоящий их вопрос: как избежать безумия повторяющихся исторических ошибок, вызванных миражами ложных идей. Сон разума порождает чудовищ, однако чудовища, являющиеся героям Михайличенко и Несиса — обезьяны, сфинксы, ангелы и демоны — это скорее мудрые наставники человека, окончательно потерявшего голову среди морока так и не рухнувших, вопреки обещаниям постмодернизма, нарративов и идеологий. Так тетралогия превращается в эпическую энциклопедию абсурдных суеверий, коими одержимо сегодняшнее общество — от иллюзий и мифов, связанных с Договорами Осло до недавних дискуссий вокруг Холокоста и эксцессов политкорректности. Герой *Talithakumi* выносит нелестный приговор обществу, а точнее интеллектуальному сообществу: «Руль у недоучек-журналистов — гарантия прогрессирующего безумия мира. И все мы, к сожалению, находимся в контексте происходящего безумия. Насколько, благодаря технарям, мир за последние десятилетия стал удобнее и интереснее. И насколько за это же время, усилиями гуманитариев, он стал абсурднее, фальшивее и подлее».

Новый роман Михайличенко и Несиса следует за романом «Зы», чье название на сетевом жаргоне означает, как известно, PS — *postscriptum*. Авторы, таким образом, не собираются завершать свой иерусалимский цикл, и *Talithakumi*, или Завет меж осколками бутылки символически преодолевает «post-письмо», заключая новый завет с автохтонными иерусалимскими чудовищами, которые, в отличие от «недоучек-журналистов», обладают взысканным знанием, всей полнотой памяти, как галутной, так и израильской, всей глубиной учения, с прописной или заглавной буквы. Заглавие романа отсылает одновременно и к евангельскому чуду, и к иудейскому завету Авраама, и к реальному месту в сердце столицы современного Израиля, и к литературной традиции пьяного откровения в духе Бенедикта Ерофеева. В то же время, языковая стилистика смешения стёба, блатной фени, русско-израильского арго и молодежного жаргона сегодняшней России сближает этот роман скорее с литературой битников и с ивритской литературой «другой волны», в частности с популярными рассказами Этгара Керета.

Поклонники и знатоки творчества Михайличенко и Несиса найдут в новом романе все ключевые особенности их художественного метода: герой на распутье, застигнутый врасплох духовным и личностным кризисом; чудесная встреча с магическим помощником, открывающая врата вглубь лабиринта

желаний, отражений и метаморфоз; круг искателей приключений, насмерть соединенных дружбой-враждой, а также секретным планом, причем каждый — своим, не чуждых ни крайней сентиментальности, ни крайнего цинизма в отношениях друг с другом; исторический экстрем, принимающий форму детективного сюжета или готического хоррора, когда герои отправляются в подземелья коллективной и индивидуальной памяти на поиски смысла своих ошибок, разочарований и побед. И наконец, характерная для всех романов тетралогии кода — открыто-закрытый финал: в сюжете ставится весьма определенная точка, однако в идейном плане она есть не что иное, как сингулярность, то есть предельно сжатое облако возможностей, вне пространства и времени, источник нового большого взрыва. И причиной этого взрыва возможностей может стать и наверняка станет то, что было причиной всех предыдущих взрывов — завет.

В удивительный завет, являющийся пружиной сюжета, оказываются вовлечены люди разных поколений и разных культурных кругов: шестидесятники и миллениалы, евреи и русские, израильтяне и иностранцы, диссиденты и бизнесмены, репатрианты всех волн от 70-х до 2010-х годов. Такая пестрая галерея образов существенно отличает этот роман от предыдущих, где за основу бралась более узкая культурная формация, как например, бывшие одноклассники в *И/e_рус.олим*. Позволю себе предположить, что это разнообразие культурных типажей, совместно с разнообразием мастерски выполненных языковых стилизаций, свидетельствует о своего рода переходе от центростремительного к центробежному освоению или конструированию культурного пространства. В особенности это заметно при сравнении нового романа с *Иерусалимским дворянином*, где герой-одиночка был заперт в своем солипсическом полубредовом-полупровидческом сознании. Новые герои Михайличенко и Несиса более свободны, мобильны и открыты миру; их происхождение, цели и сфера бытия более глобальны и универсальны. В отличие от героев *И/e_рус.олим*, они не ищут утешения или самореализации в сети или ролевой игре: всё это уже стало самой структурой того мира, в котором они живут. Политические проблемы хотя и занимают их, но, в отличие от героев *ЗЫ!*, не составляют более мотивов их поступков: политическое безумие — просто данность, служащая фоном и иногда эталоном для оценки безумия общечеловеческого. К этому можно добавить и отход от методов магического реализма и дрейф в сторону более тонкого реа-

лизма, где мистическое измерение не обладает автономным существованием, а полностью включено в реальность как одна из возможностей ее понимания. Все эти сдвиги, помимо собственной значимости, обладают одной важной общей чертой: они подтверждают уже не раз высказанное мною предположение, что творчество Михайличенко и Несиса — это яркое свидетельство того, как русско-израильской литературе удается существовать и процветать вне социо-поэтических гранец «эмигрантской ноты», без пресловутых маргинальности и минорности по отношению к израильской и российской литературам. Другими словами, она самобытна, но не настолько, чтобы превратиться в картавый еврейский анекдот, и она космополитична, как пират или бродяга, но при этом ни на секунду не забывает об Иерусалиме.